
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯПОНИЯ:
культурные традиции
в меняющемся социуме
к 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус
(1914-1984)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Рекомендовано к печати
Учёным Советом и Учебно-методической комиссией
Восточного факультета СПбГУ*

Печатается при поддержке

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:

В.В.Рыбин, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов, А.В.Филиппов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Синицын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. филол. наук Давыдов А.В. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

докт. филол. наук Рыбин В.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
канд. ист. наук Османов Е.М., докт. ист. наук Филиппов А.В.,
канд. ист. наук Синицын А.Ю., канд. ист. наук Маранджян К.Г.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: А.В.Филиппов

Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: культурные традиции в меняющемся социуме. Материалы российских и зарубежных исследователей, представленные в рамках мероприятий, посвящённых 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №5]. – СПб. – Изд-во ЛЕМА, 2014. – 375 с.

Оригинальное научное исследование подготовлено усилиями специалистов-японоведов из научных учреждений России, Украины и Японии. Авторами коллективной монографии являются хорошо известные японоведы и молодые перспективные учёные. Издание приурочено к 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус (1914-1984). Разнообразие направлений и современные достижения весьма рельефно продемонстрированы в предлагаемом вниманию читателя труде.

Проблематика издания отображает и по-своему уникальный срез по тематике спецкурсов, читаемых в высших учебных заведениях Российской Федерации. Диапазон исследований, охватываемых в монографии, представляет как общественные науки (историю, этнографию и культурологию), так и изыскания в филолого-литературной области. Ведомственная принадлежность авторов указана в начале каждой статьи.

Для востоковедов, широкой общественности, интересующихся Японией, её языком и культурой. Монография может быть рекомендована для изучающих соответствующие учебные дисциплины. Материал приводится на русском и японском языках.

ISBN 978-5-98709-790-8

© Авторский коллектив, 2014
© Восточный факультет СПбГУ, 2014
Все права защищены

МАРАНДЖЯН К.Г., ИВР РАН
(Институт Восточных Рукописей РАН)

**ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО КОНФУЦИАНСТВА:
КАЙБАРА ЭККЭН (1630-1714)**

Конфуцианский ученый эпохи Эдо– Кайбара Эккэн 貝原益軒¹ относится к тому редкому типу конфуцианских мыслителей, имя которого сохранилось в народной памяти и знакомо каждому японцу и сегодня. Причина такой популярности кроется не столько в удивительной разносторонности интересов ученого, сколько в его желании сделать итоги своих размышлений достоянием широкой аудитории, не ограничивающейся кругом профессиональных конфуцианцев.

Вряд ли можно назвать Кайбара Эккэн ярким мыслителем, внесшим свой оригинальный вклад в историю японского конфуцианства, хотя его трактаты свидетельствовали о большой начитанности, незаурядном уме и критическом подходе к работам признанных китайских авторитетов. Недаром на закате своей жизни Кайбара Эккэн написал знаменитый труд «Тайгироку» (Записи о больших сомнениях, 大疑録), в котором изложил свои сомнения относительно некоторых идей Чжу Си, в том числе и концепции дуализма Ли и Ци. Ученый также известен и как автор первого японского комментария на

¹ М.Е.Тыcker. Religious Aspects of Japanese Neo-Confucianism: The thought of Nakae Toju and Kaibara Ekken // Japanese Journal of Religious Studies 1988. 15/1.

неоконфуцианскую антологию «Цзинь сы лу»¹ – «Кинси-року бико» (Примечания к «Записям размышлений о близком 近思録備考», 1668), заслужившего восхищенное изумление его современников – китайских конфуцианцев². Однако большую популярность ему принесли морализаторские «наставления 訓もの». Они были предназначены для широких масс и касались самых основ жизни – не только вопросов морали, но и правил гигиены и поддержания здоровья, норм поведения и умения наслаждаться жизнью. Из под его кисти вышли «Ямато дзюкун» (Наставления для повседневной жизни, 大和俗訓), «Ёдзёкун» (Наставления для здоровой жизни, 養生訓), «Вадзоку додзюкун» (Наставления о японских обычаях для детей, 和俗童子訓) и пр. Традиция приписывает ему и знаменитый японский домострой для женщин «Онна дайгаку 女大学»), хотя точное авторство этого текста еще не установлено. Эти тексты были записаны по-японски, для того чтобы их могло прочесть как можно больше людей.

Большая их часть была составлена ученым под конец жизни, когда он удалился на покой. Помимо сочинений «конфуцианского» потока, Эккэн оставил после себя

¹ «Цзинь сы лу» («Записи размышлений о близком»), составленную Чжу Си в соавторстве с Люй Цзю-цянем (呂祖謙 1137-1181).

² Okada Takehiko. Practical Learning in the Chu His School: Yamazaki Ansai and Kaibara Ekken // Principle and Practicality. Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning. Ed. Wm. Theodore de Bary and Irene Bloom. New York. 1979. P.257.

труды естественно-научного характера: это и «Ямато хондзо» (Японские растения, 大和本草), и описание топографии провинции Тикудзэн «Тикудзэн но куни дзоку фудоки 筑前国続風土記». Широта научных интересов ученого – от медицины, ботаники, астрономии до сельского хозяйства, географии, математики и гигиены – и серьезное влияние, которое его работы оказали на становление японской естественной науки объясняют почему знаменитый немецкий натуралист и исследователь Японии Ф.Ф.фон Зибольд (1796-1866) называл Эккэна «японским Аристотелем».

Кайбара Эккэн был родом с Кюсю (г. Фукуока провинции Тикудзэн, совр.пров. Фукуока) из обедневшей самурайской семьи, был взят на службу кланом Курода и отправлен на учебу в Киото – культурную столицу той поры, где были сосредоточены лучшие частные академии и работали известные ученые. Там он общался с такими известными конфуцианскими учеными как Мацунага Сэкиго (1592-1657, в прошлом ученик Фудзивара Сэйка, открывший в Киото частную конфуцианскую школу), и с его бывшим студентом Киносита Дзюньан (1691-1698), посещал лекции Ямадзаки Ансай (1619-1682), встречался с Ито Дзинсай¹. Иначе говоря, он находился в гуще интенсивной интеллектуальной жизни, полной философских споров и общения. Позднее ученый многократно навещался в Киото, сопровождая

¹ Более подробно об отношениях с Ито Дзинсай см.: Okada Takehiko. Op.cit. P.265-266.

направлявшегося в столицу даймё Курода Мицуюки. Это позволяло ему не только поддерживать отношения в конфуцианской среде, но и быть в курсе последних тенденций и литературных новинок.

Формально Кайбара Эккэн считается последователем чжусианской школы, однако как уже было сказано, во второй половине жизни ученый несколько пересмотрел свои взгляды, склоняясь скорее к сторонникам минского китайского философа Ло Цинь-шуня (1465-1541). По словам исследовательницы М.Э.Такер, чаще всего он цитировал слова Чэн И о том, что «принцип един, но его проявления различны» и утверждение Ло о том, что «принцип это принцип Ци»¹, аргументируя концепцию монизма Ци.

В целом, космологические представления философа во многом близки взглядам китайского философа Чжан Цзая (1020-1078), подчеркивавшего идею «всеобъемлющего единства пневмы Неба и Земли, охватывающей все сущее» и идею «единоутробности народа и меня, в равной степени каждой вещи и меня»². В ряде сочинений Кайбара Эккэн почти текстуально воспроизводит фрагменты из знаменитого эссе «Западная надпись» («Си мин» 西銘), рассуждая о том, что Небо и Земля «наши великие родители».

¹ М.Е.Тускер. *Op.cit.* P.65.

² Духовная культура Китая. Энциклопедия. Том первый. Философия. Под ред. М.Л.Титаренко. М., 2006. С.567-568.

Кроме того, мыслитель вслед за китайским философом акцентировал идею изменчивости, текучести, динамичности мира. Одним из примеров конкретного проявления этой идеи было то, что он в разных контекстах не раз подчеркивал необходимость «соответствия времени, месту, обстоятельствам, народу». Любопытно, что идея изменчивости, связанная с течением времени, была артикулирована самыми разными мыслителями эпохи Эдо. Она звучит у буддийского монаха и филолога Кэйтю, лежит в основе многих построений Ито Дзинсай и Огю Сорай, причем каждый из них по-своему использует мысль об изменчивости мира. Добавим, что эта столь тривиальная с позиции нашего дня идея, считающаяся сегодня частью здравого смысла, конечно же была известна и японцам эпохи Эдо, но для нас важно, что эта мысль обрела в ту пору особое звучание, став основой для весьма важных философских выводов. К примеру, осознание изменчивости языка, различие между языком древности и современности базировалось именно на этой мысли, и в свою очередь послужило толчком для развития японской лингвистической традиции. Скорее всего, общим источником, из которого японские мыслители позаимствовали эту идею, были минские философы. Как отмечает известный американский исследователь У.Т. де Бэри, к числу отличительных особенностей минской мысли среди прочего можно отнести акцент на необходимость отвечать потребностям своего времени

и места и осознание необратимого отличия современности от прошлого¹. Поскольку конкретный минский источник неизвестен, трудно сказать, какова была логика китайского мыслителя, остается только предположить, что на японской почве «соответствие месту и времени» приобретало дополнительный оттенок, подразумевая укоренение конфуцианства на японской земле. Эта проблема была ясно осознана японскими конфуцианцами, которые вынуждены были как-то решать дилемму своей принадлежности к китайской (следовательно, в широком смысле слова конфуцианской) или японской культуре, которые не всегда совпадали.

Другой сквозной темой Эккэна была тема порождения и плодovitости в природном мире, в человеческом измерении выражавшаяся в идее человеколюбия. Единство между космологическим и человеческим порядком нашло свое своеобразное отражение в его концепции удовольствия (таносими 楽しみ), которой был посвящен специальный трактат «Наставление об удовольствии» («Ракукун 楽訓»). Этот текст, предназначенный для чтения широкой аудиторией, не утратил своей интеллектуальной привлекательности и сегодня, поскольку в нем затрагивается вечный и актуальный для человеческого бытия вопрос о достижении гармонии между окружаю-

¹ Principle and Practicality. Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning. Ed. Wm. Theodore de Bary and Irene Bloom. New York. 1979. P.22.

щим миром и человеком. Приведем небольшой отрывок из начальной части этого трактата.

«Среди мириад существ, получивших благодаря милости Неба и Земли жизнь, нет ничего более ценного, чем человек¹. Потому что он является душой (靈) мириад вещей. Поэтому быть рожденным человеком – небывалое счастье. Но мы глупы и не знаем Пути человека. Утратив человеческое сердце, данное нам от рождения Небом и Землей, мы не следуем дорогой, по которой должен следовать человек, блуждая там, где не нужно идти, мучаясь каждый новый день. Более того, мы погрязли в эгоизме, не оставляя места для других людей и неосмотрительно не замечая их печалей... Поэтому человек с детства изучает Дао совершенно-мудрых, проявляет человеколюбие, заложенное в наши сердца Небом и Землей, проявляя человеколюбие сам получает удовольствие и доставляет удовольствие тем, на кого обращено его человеколюбие... Проявлять человеколюбие значит следовать сердцу Неба и Земли»². Перед нами типичный образец конфуцианского морализаторства, единственно, что выделяет этот текст из ряда других – это использование в нем категории «удовольствие», которая является краеугольной для рассуждений философа.

¹ Это скрытая цитата из 9 гл. «Сяо цзин» (Книги сыновней почтительности), которая часто цитировалась многими конфуцианскими авторами. В переводе Ю.А.Кроля она звучит как «Из рожденных Небом и Землей человек является самым ценным». Цит. по: «Древнекитайская философия. Эпоха Хань». М., 1990. С.149.

² Кайбара Эккэн. Ракукун. Электронный текст трактата выложен на сайте: <http://www.i-apple.jp/rakukun/2008/01/post.html> 25.06.2014

Любопытно отметить, что «удовольствие» (*кит.* 樂, 樂¹) как самостоятельная тема, насколько мне известно, мало затрагивалась японскими конфуцианскими мыслителями, хотя само это понятие традиционно входило в состав эмоций, упоминавшихся в различных философских текстах. «Удовольствие» скорее было объектом эстетического осмысления и чаще фигурировало в художественных произведениях, таких как, к примеру, «Записки у изголовья» («Макура-но соси») знаменитой придворной дамы Сэй-Сёнагон или же широко читаемых в эпоху Токугава «Записках от скуки» («Цурэдзурэгуса») монаха Кэнко-хоси, фрагмент из которых мы и приводим ниже.

«Все любят удовольствия и никогда не перестают искать их. Доставляет удовольствие, во-первых, слава... Во-вторых, доставляет удовольствие вождение, в-третьих – чревоугодие. Со стремлением к этим трем удовольствиям не сравнится ни одно из тьмы желаний. Возникает это стремление от извращенного взгляда на жизнь и влечет за собой многие бедствия. Лучше всего не искать удовольствий»².

Весь пафос трактата Кайбара Эккэн «Наставление об удовольствии» в противоположность словам Кэнко-хоси состоит в утверждении чувства удовольствия, а говоря современным языком, в умении находить радость в самых простых, данных тебе свыше вещах, в самом

¹ Некоторые исследователи это понятие переводят как «радость».

² Цит. по: Яшмовая нить. Антология японской классической литературы. М., 1998. С.268.

даре жизни, в умении довольствоваться тем, что есть. Здесь позволим себе небольшое отступление.

Впервые «Наставление об удовольствии» было переведено на английский язык в 1913 г.¹ Чтение этого весьма несовершенного перевода, изобилующего пропусками и неточностями, вызвало во мне восхищение перед его автором, учившим читателя умению наслаждаться даром жизни. Сам текст воспринимался современно и вполне в духе европейской традиции философии жизни. Однако при обращении к японскому оригиналу оказалось, что подобное впечатление весьма обманчиво и, видимо, связано с желанием переводчика сделать его доступным европейским читателям. Японский текст предназначался японской аудитории, в нём цитировались китайские сочинения, использовалась традиционная для подобного жанра лексика и риторика. Иначе говоря, текст этот прекрасно вписывался в контекст своей эпохи и был лишен того современного звучания, которое читалось в английском переводе. И действительно, призыв Эккэна «довольствоваться тем, что тебе дано», был созвучен аналогичным идеям Чэн И и Ван Янмина, причем, по словам Окада Такэхико, это сходство идей было неслучайным и было связано с концепцией единства всего сущего². Да и само обращение к категории «удовольствия», как мне кажется, было следствием раннего увлечения

¹ The Way of Contentment. Translated from the Japanese of Kaibara Ekken by Ken Hoshino. London, 1913.

² Okada Takehiko. Op. cit. P.285.

идеями Ван Янмина. Этот китайский философ определял «радость» как «первосущность сердца». Он писал: «Хотя совершенномуудрым и высокодостойным особо присуща истинная радость, в равной мере она присуща и обычным людям. Однако, обычные люди, обладая ею, сами не знают об этом... ..эта радость не может не находиться в них. Стоит только проникнуться одной просветляющей мыслью, оборотиться к самому себе и обнаружить подлинность, чтобы она тут же возникла»¹. Подобная трактовка радости, вызывающая в памяти читателя слова Мэн-цзы о том, что «нет большего удовольствия, когда, обращаясь к себе, мы находим, что мы искренни»², перекликается с концепцией удовольствия Эккэна, сделавшего эту тему главной в своем моральном наставлении людям.

Вернемся вновь к трактату «Наставление об удовольствии». Кайбара Эккэн, ссылаясь на И-цзин, не раз повторял, что великое благоденствие (дэ) Неба и Земли зовется жизнью. Этот оптимистический модус мыслителя напрямую связан с его картиной мира, где космологический и человеческий порядок подчиняются единым законам, где моральное поведение человека – его человеколюбие – воспринималось как еще одна форма проявления силы жизненного источника, лежащего в основе

¹ Цит. по: А.И.Кобзев. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М. 1983. Стр.138.

² Мэн-цзы. 7.1.4. // Конфуцианское «Четверокнижье» («Сы шу»). М., 2004. С.374.

сущего. Утверждение жизни, по-видимому, было связано с откровенным неприятием Эккэном буддизма. Заметим, что одна из причин сомнений в учении Чжу Си была мотивирована, по мнению философа, явным буддийским влиянием. С другой стороны, подобный витализм был следствием его приверженности монистической линии, базирующейся на постулате о том, что «принцип – это принцип Ци». В этом смысле, философ вновь был последователем минских философов, для которых характерны витализм, идея беспредельной порождающей потенции Неба и Земли, акцент на реальности физического мира. По словам де Бэри, этот акцент на реальности философски выражался в монизме Ци, а интеллектуально – в изучении принципов, пребывающих в конкретных формах¹. И здесь мы подходим к вопросу о том, как философ понимал процесс «обучения».

Начнем с того, что Кайбара Эккэн признавал, что Японии не хватает знания и в этом отношении страна уступает Китаю. Небо и Земля наделили человека природой, и лучше всего служить Небу и Земле, сохраняя эту природу и проявляя человеколюбие. Однако, если человек не будет учиться, он будет мало отличаться от зверей и птиц. Поэтому цель обучения состоит в том, чтоб стать подлинным человеком. Самураи должны изучать гражданские и военные науки, но в основе обучения должно лежать моральное знание. Чтение книг позволяет человеку пересекать временные границы и расширять свои

¹ У.Т. де Бэри. Указ. соч. С.22.
174

знания о мире. «Пока сидишь в одиночестве в своей комнате, видишь весь мир и познаешь принципы мириад вещей между Небом и землей»¹. Как мне кажется, эти слова перекликаются со словами знаменитого монаха Кэнко-хоси, которому принадлежит известная фраза: «Ни с чем не сравнимое наслаждение получаешь, когда в одиночестве, открыв при свете лампы книгу, приглашаешь в друзья людей невидимого мира». Думается, что это не случайная переключка текстов – японский философ сознательно обращался к японской литературной традиции. Это не столько говорило об эрудиции автора, сколько наделяло его тексты более высоким статусом, подключая их к обширному контексту японской культуры.

С содержательной точки зрения ничего нового в приведенных выше рассуждениях нет – это стандартный набор, кочующий из одного конфуцианского сочинения в другое. Оригинальность и новизна Кайбара Эккэна связана с его трактовкой так называемого «практического знания» (яп. дзицугаку, 實学).

Современные словари переводят этот термин как «прикладные науки» и историки мысли часто понимают историю «дзицугаку» как историю естественных наук. Однако, как пишет Окада Такэхико, подобное отождествление не вполне адекватно, потому что во времена Эккэна «практические знания» были частью конфуциан-

¹ Ракукун. Третий маки. Цит. по: <http://www.i-apple.jp/rakukun/2008/01/post-2.html>

ского учения, и следовательно содержали в себе моральную составляющую, которая сегодня не входит в концепцию науки¹. Тем не менее, этому мыслителю принадлежат серьезные труды, ставшие важными вехами в истории японского естествознания. Что же подвигло ученого на обращение к таким наукам как ботаника, топография, гигиена, сельское хозяйство?

Ответ на этот вопрос совсем не односложен. Во-первых, «дзицугаку» в теоретическом плане исходит из тезиса братьев Чэн – «исчерпывающее исследование и совершенное обретение принципов дел и вещей». Без постижения многообразия принципов в их конкретных проявлениях невозможно управлять миром. Во-вторых, естественные науки являются ключевыми для поддержания жизни, лежащей в основе мироздания. Для извлечения пользы из наличного многообразия мира необходимо понять принципы этих вещей. Тут важно обратить внимание, что главная цель познания заключается не «в совершенствовании личности и упорядочивании государства», как постулировалось в «Да сюэ», а в использовании полученного знания в повседневной жизни человека, т.е. в утилитарных целях. Проиллюстрируем это утверждение словами самого мыслителя. В предисловии к сочинению «Атлас овощей» (菜譜, «Сайфу») он пишет: «Я не только не наделен добродетелями, но и не обладаю способностями совершать великие дела или произносить мудрые речи. ... Если человек живет в мире и ничего не

¹ Okada Takehiko. Op. cit. P.267.

делает, он живет словно птица или животное... Я полагал, что могу по крайней мере попытаться сделать то, что в моих силах и потому написал этот скромный труд. Я надеюсь, что таким образом я смогу хоть немного облегчить жизнь людей»¹. При этом предметом изучения может быть все, что можно с пользой использовать в повседневном обиходе.

В методологическом плане заслуживают внимание следующие особенности. Во-первых, ученый формулирует, чего не следует делать ученому — опираться на недостоверную информацию, слишком доверять увиденному или услышанному, упорствовать в своем мнении, делать поспешные выводы. Во-вторых, он конкретизирует четыре составляющие правильного исследовательского подхода: широкая эрудиция в сочетании с опытом, скептицизм в сомнительных случаях, объективность в суждениях, суждению должно предшествовать тщательное изучение. Эрудиция («широкое знание») предполагала знакомство не только с огромным числом книжных источников, но и знание принципов из самых различных, а порой и тривиальных областей, значимых в обычной повседневности людей. Ученый полагал, что без постижения принципов конкретных вещей процесс познания теряет свой смысл. С другой стороны, он четко осознавал, что познание не тождественно накоплению случайной и беспорядочной информации. Его интересовали принципы — т.е. говоря современным языком, рациональное

¹ Цит. по: Okada Takehiko. Op. cit. P.278.

постижение объективных принципов, что собственно и позволяет японскому историку Минамото Рёэн называть Кайбара Эккэн «эмпирическим рационалистом». При этом ученый отнюдь не довольствовался книжным знанием или здравым смыслом, он считал, что знание должно базироваться на эмпирическом исследовании. В этом смысле весьма показателен пример его работы по топографии провинции Тикудзэн. Это сочинение было завершено только после того, как сам ученый совершил путешествие, побывав во всех её уголках и лично изучив особенности рельефа местности.

Приведем еще одно весьма примечательное соображение Кайбара Эккэна. «Даже совершенные мудрецы говорили о всеобъемлющем знании, но нередко делали пустые высказывания, поскольку не имели привычки собственноручно проверять многие вещи, и потому в ходу было много ошибочных взглядов», – писал мыслитель в сочинении «Ямато хондзо» (大和本草, «Японские растения») ¹. Эти слова с отчетливостью подчеркивают значимость эмпирического опыта для Кайбара Эккэн. Именно стремление к постижению принципов в их бесконечном и конкретном многообразии в сочетании с обращением к эмпирическому опыту стало основанием для того, чтобы авторитетный японский исследователь

¹ Цит. по: Okada Takehiko. Op. cit. P.275.

Минамото Рёэн назвал этого мыслителя «эмпирическим рационалистом»¹.

Как уже было отмечено, в молодые годы философ пережил увлечение взглядами Ван Янмина, влияние этого китайского мыслителя оказало серьезное влияние на Кайбара Эккэн. В частности, оно прослеживается и в его концепции обучения, где он настойчиво подчеркивает единство и неразрывность знания и действия. В терминологии ученого, это звучит как «знание должно сохраняться в сердце и осуществляться в действии». Это он называл термином «эффективного знания» (有用の学). Конечно, «эффективным» считалось такое знание, которое способствовало моральному совершенству человека, и в этом смысле его концепция оставалась в традиционных рамках. Однако особенность «практического знания» Эккэна заключалась в том, что он считал предметом знания любой объект, имеющий значимость для жизни человека. Он отличался от большинства конфуцианских ученых, теоретически нацеленных на практику политического управления тем, что сосредоточил свое внимание на сфере обыденной жизни, на повседневной реальности, видя в этом свое главное предназначение. Тематика его научных трудов – от ботаники до гигиены

¹ Minamoto Ryoen. "Jitsugaku" and Empirical Rationalism in the First Half of the Tokugawa Period // Principle and Practicality. Essays in Neo-Confucianism and Practical Learning. Ed. Wm. Theodore de Bary and Irene Bloom. New York, 1979. P.409-418.

– как раз и показывает новизну и оригинальность его концепции «практического знания».

Кайбара Эккэн был великолепным знатоком конфуцианской литературы – он был неплохо знаком с сочинениями китайских, корейских и японских авторов. Огромная эрудиция послужила материалом для его эклектичного, по сути, учения. Заслуга этого ученого не в оригинальной концепции, генетически восходящей к чжусианской школе, а именно в мастерстве сочетания разнородных элементов, в умении выразить эти идеи на доступном языке как можно более широко аудитории, которая должна была руководствоваться этими идеями в своей повседневной жизни. Еще раз отметим, что речь идет не только о чисто моральных наставлениях, но и о сугубо практических навыках и умениях, необходимых для поддержания жизни здорового и сильного тела, для достижения долголетия. В этом смысле, мыслитель, писавший свои тексты на японском языке, оказал значительно больше влияние на умонастроения своих современников, чем его знаменитые собратья по конфуцианской учености, чья слава ограничивалась узким кругом профессиональных конфуцианцев.

Его представление об «учености» и «учении», далекие от чистого утилитаризма, являются еще одним вариантом решения проблемы «учения», акцентируя его практическую направленность и включая в число его потенциальных объектов все аспекты реальной жизни, многие из которых до сих пор не входили в круг рассмотрения конфуцианских ученых.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

- Рыбин В.В.**, Востфак СПбГУ 3
Памяти Евгении Михайловны ПИНУС
(к 100-летию со дня рождения учителя)
- Самойлов Н.А.**, Востфак СПбГУ 9
Японоведение и комплексное изучение Восточной Азии

ЯПОНИЯ:

ПРИРОДА, ВРЕМЯ, МЕНТАЛИТЕТ

- Кагальникова А.В.**, СПбГУ 17
Влияние природных условий Японского архипелага на культуру его народа
- Горелова Н.Е.**, МГИМО 23
Ретроспективный взгляд на время в мироощущении японцев
- Мотрохов А.И.**, ХНУ им. В.Н.Каразина 32
О вере в магическую силу слова в древней японской поэзии (на примере песен «Манъёсю»)
- Гуревич Т.М.**, МГИМО 42
Особенности японского юмора и смеха
- 荒川好子=АРАКАВА Ёсико**, Востфак СПбГУ [на японском языке] 53
2011年、震災後に求められたポピュラーソングの歌詞分析 =
Анализ текста японских песен, которые были популярны после землетрясения 2011

РЕЛИГИИ ЯПОНИИ:

СИНКРЕТИЗМ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ?

- Долгова Е.А.**, МГИМО 69
Представления о причинности в даосизме и буддизме
- Кикнадзе Диана**, ИВР РАН 84
Буддизм глазами женщин (По материалам сборника сэцува «Удзи сюи моногатари», XIII в.)
- Кужель Ю.Л.**, МГИИТ им. Ю.А.Сенкевича 104
Женские образы в буддийской иконографии
- Дулина А.М.**, ИСАА МГУ 141
Интерпретация древнего японского мифа в памятнике нач. XIV в. «Хатиман гудōкин» («Наставление глупым детям о Хатиман»)

ЯПОНСКАЯ ИСТОРИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ И ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ

- Климов В.Ю.**, ИВР РАН
Переход к политике самоизоляции в конце XVI - начале XVII вв.
(по указам правителей Японии) **152**
- Маранджян К.Г.**, ИВР РАН
Из истории японского конфуцианства: Кайбара Эккэн (1630-1714) **164**
- Филиппов А.В.**, Востфак СПбГУ
Лидер и его команда (Токугава Цунаёси, Токугава Ёсимунэ, Мацудайра Саданобу): сменность элиты в Японии XVII-XVIII в. **181**
- Щепкин В.В.**, ИВР РАН
Восстание айнов 1789 г. и реакция Мацудайра Саданобу **194**
- Толстогузов С.А.**, Хиросимский университет
Реформы годов Тэмпō – реформы или антикризисная политика? **220**

ЯПОНИЯ И РОССИЯ: СБЛИЖЕНИЕ – КОНФРОНТАЦИЯ – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

- Рыбин В.В.**, Востфак СПбГУ
Важны ли нюансы в исторических описаниях или где же был подписан японо-русский договор 1855 года («Симодский трактат»)? **236**
- Климов А.В.**, Востфак СПбГУ
Переговоры по пограничному вопросу с Японским посольством 1867 г. **241**
- ТЭРАМОТО Ясутоси**, Хиросимский университет
Японская дипломатия накануне и после русско-японской войны – поворотный пункт на пути к Тихоокеанской войне **246**
- Османов Е.М.**, Востфак СПбГУ
Взлет и крах российско-японских отношений (1906-1917 гг.) **281**

НОВЕЙШАЯ ЯПОНИЯ: ТРАДИЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ПУТИ К ПОНИМАНИЮ

- Бреславец Т.И.**, ДВФУ
Женские судьбы в произведениях Соно Аяко **302**
- Хронопуло Л.Ю.**, Востфак СПбГУ
Некоторые аспекты изучения современного эпистолярного текста в трудах японских исследователей: подходы, тенденции и перспективы **319**
- Татаренко Ф.Т.**, Востфак СПбГУ
Роль современных информационно-коммуникативных технологий в проведении политических кампаний в Японии **336**
- Исса Н.Х.**, Востфак СПбГУ
Оригами на мечи и экспертный дом Хонъями **359**
- Ибрахим И.С.**, Востфак СПбГУ
Преподавание аспекта «чтение прессы» как один из этапов подготовки устных переводчиков **368**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ (культурные традиции в меняющемся социуме):

Материалы российских и зарубежных исследователей,
представленные в рамках мероприятий, посвящённых 100-летию
со дня рождения Е.М.Пинус

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: А.В.Филиппов

Подписано в печать 05.11.2014 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,9. Тираж 100 экз.
Заказ № 3609

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»,
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел. 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>

**ЯПОНИЯ: культурные традиции
в меняющемся социуме**

**«Issues Of Japanology» №5
к 100-летию Е.М.Пинус (1914-1984)**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japalogy = Вопросы японоведения» №5

**ЯПОНИЯ:
культурные традиции
в меняющемся социуме**

к 100-летию со дня рождения Е.М.Пинус
(1914-1984)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014